

Интервью

ТЕОРИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦИКЛОВ

(беседа А.С. Нилогова с М.Ю. Сергеевым

*в рамках проекта «Современная русская философия»)**

– Михаил Юрьевич, что сегодня знают о русской философии в США? Какова, на ваш взгляд, библиография наиболее важных работ о русской философии в США?

– Практически ничего. Не только средний американец, но и американский специалист в области философии с трудом назовет имена одного-двух русских философов. Как правило, это будут Л. Шестов и Н.А. Бердяев; реже – В.С. Соловьев или С.Н. Булгаков.

* **Сергеев Михаил Юрьевич** (род. 1960, Москва, Россия) – доктор философии по специальности «философия религии» (1997, Темпльский университет, Филадельфия, США); историк религии, философ, литератор. Гл. редактор книжной серии «Современная русская философия», изд-во Брилл, (Лейден, Нидерланды). Читал курсы в ряде университетов и колледжей Пенсильвании и Нью Джерси; сейчас преподает историю религий, философию и современного искусства в Университете искусств в Филадельфии. Печатался и выступал с докладами в Соединенных Штатах, Канаде, Европе (Нидерланды, Польша, Чехия) и России. Автор многочисленных статей по сравнительному религоведению и философии, опубликованных в российских и американских научных журналах, а также семи книг, включая Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith (Brill, 2015). – URL: <http://uarts.digication.com/msergeev/>

Нилогов Алексей Сергеевич (род. 1981, Черногорск, Хакасия) – современный русский генеалог, лингвист, философ. Лауреат гран-при Всероссийской литературной премии «Эврика!» за оригинальность литературно-философского проекта «Кто сегодня делает философию в России» (Москва, 2008). Кандидат философских наук (ГУУ, г. Москва, 2011). Действительный член Академии философии хозяйства (Москва, 2011). Действительный член ООО «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Тамбов, Красноярское отделение, 2016). Основатель и председатель Южно-Сибирского историко-родословного общества (ЮСИРО).

А.С. Нилогов – организатор всероссийского проекта «Современная русская философия», в рамках которого в 2007, 2011, 2015 гг. вышли три тома книги «Кто сегодня делает философию в России», насчитывающие тексты (интервью и статьи) 100 ведущих современных отечественных философов. Данный проект стал заметной вехой в развитии русской философии конца XX – начала XXI вв., войдя в историю отечественной мысли. Он получил большой общественный резонанс: были написаны десятки рецензий в центральных и региональных СМИ, проведены презентации на ведущих интеллектуальных площадках Москвы (ЦДЛ, «Библио-Глобус», РУДН, Зверевский центр современного искусства и др.), а презентации второго тома была посвящена телевизионная программа «Пресс-клуб. XXI век» на канале «Культура» (эфир 11.02.2011).

Как собственно философ Нилогов является автором оригинальной концепции «философия антиязыка». В 2013 г. издана одноименная книга, в которой философия антиязыка определяется в качестве самостоятельного раздела философии (философской дисциплины), изучающего основания и пределы семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимость познавательного процесса от антиязыка.

До Второй мировой войны серьезных обобщающих трудов по русской философии в США не было. В распоряжении англоязычных специалистов было лишь исследование Томаса Масарика, переведенное с немецкого¹.

В начале 1950-х гг. в Штатах вышел перевод двухтомника В.В. Зеньковского по истории русской философии². Одобренный автором и расширенный по сравнению с русским изданием, этот перевод стал хрестоматийным. В это же время появилась изданная на английском «История русской философии» Н.О. Лосского³.

Первая антология русской философской мысли — от Г.Е. Сковороды до диалектического материализма — была выпущена в США в 1960-х гг.⁴ Этот трехтомник до сих пор является стандартным учебным пособием для американских студентов, изучающих русскую философию. Выходили и другие антологии русской мысли: М. Раева⁵, о. А.Д. Шмемана⁶, В. Лезербарроу и Д. Оффорда⁷, В.А. Кувакина⁸.

На рубеже 1980-х гг. были изданы фундаментальные исследования по русской мысли польского ученого А. Валики⁹, крупнейшего современного историка философии Ф. Коплстона¹⁰, а также Г.В. Флоровского, чья книга «Пути русского богословия» вышла по-английски в одном из томов собрания сочинений русского мыслителя¹¹.

Так что, как видите, библиография весьма обширная. А кроме того, есть немало монографий об отдельных мыслителях, а также специальные труды по советской философии¹². Что касается сочинений самих русских философов, то больше всех на английский переведен Н.А. Бердяев. Однако, к сожалению, книги о русской философии не становятся частью публичного дискурса, и поэтому, как я уже говорил, о русских философах мало кто в Америке наслышан.

— **Как бы вы охарактеризовали недавно вышедшую книгу доцента русского департамента Дикинсон колледжа (США) Алиссы Дебласио «Конец российской философии: традиция и переход на рубеже 21-го столетия» (2014)**?**

— Я с большим интересом прочел книгу Дебласио. Только название ее точнее было бы перевести как конец русской, а не российской, философии. Автор различает «русскую философию», которая заиклена на «русской идее» и православном христианстве, и «российскую философию», или философию в России, которая разнообразна, многоконфессиональна и несводима к какой-либо определенной идее.

Именно в этом смысле Дебласио считает, что русская философия, которая переживала возрождение в 1990-х гг., начиная с нулевых, пришла в упадок и клонится к закату, в то время как российская философия продолжает успешно жить и развиваться. Дело в том, что в английском языке слово «Russian» означает оба эти термина — «русский» и «российский».

** Книга Дебласио была представлена в журнале «Философские науки» № 10/2015.

Особенно интересно читать книгу Дебласио было мне также и потому, что она вернула меня к истокам моей собственной философской культуры.

Я уехал в Соединенные Штаты в самом начале 90-х, еще до развала Советского Союза. Философией в России профессионально я не занимался, а в США получил второе, философско-религиоведческое, образование и развивался в полном отрыве от постсоветского культурного контекста. Каково же было мое изумление, когда, прочтя исследование Дебласио, я узнал, что эволюция моих взглядов в точности совпадает с тем, что происходило с моими российскими коллегами за прошедшие четверть века!

Как и они, я начал с того, что освоил философско-культурное наследие русской эмиграции. Написал диссертацию по русской софиологии и к концу 90-х понял, что «русская идея» не в состоянии объяснить того, что происходит в постсоветской России.

Формы национального бытия необратимо изменились. Невозможно вернуться к дореволюционному периоду русской истории и, как ни в чем не бывало, «после перерыва» в 75 лет продолжать носиться с самодержавным неовизантизмом.

Слишком глубока и продолжительна была советская травма. Слишком силен посттравматический национальный синдром. На мой взгляд, Россия все еще переживает интеллектуально-культурную ситуацию, через которую прошла Германия после нацизма. Но, как говорится, раз «поэзия после Аушвица» все-таки стала возможной, то наберет силу и российская «философия после ГУЛАГа».

В постсоветской российской философии сложились четыре главных подхода к осмыслению советского наследия: неомарксистский, национально-православный, постмодернистский и глобалистский.

Неомарксисты подчеркивают в советском опыте так называемые «завоевания социализма». Православные националисты считают, что «советскую болезнь» Россия подхватила от «разлагающегося Запада». Постмодернисты видят в советском марксизме последнюю «большую идеологию» (Grand Narrative). А для глобалистов Советский Союз был одной из попыток — пусть и неудачной — создания глобального сообщества.

Для меня, как и для моих российских коллег, переосмысление советского периода русской истории — одна из важнейших задач постсоветской философии. Но, может быть, поскольку как специалиста меня сформировала иная культурно-языковая среда и традиция, я выработал мою собственную позицию, которая не вписывается ни в одну из предложенных выше парадигм.

В своих статьях и книгах я развиваю теорию религиозных циклов, которая является моим ответом на вызов «русской идеи» и «советского эксперимента».

— В чем именно заключается Ваша теория религиозных циклов (как применительно к России, так и ко всему миру)?

– Религия, на мой взгляд, представляет собой семантическую структуру, смысловое поле которой задано посредством языка. Религиозная система может качественно изменяться в ходе своей эволюции, но ее костяк всегда составляют священные писания и священное предание.

В зависимости от различного соотношения этих двух компонентов я различаю шесть общих стадий в развитии религий: *1) первоначальную, или формативную, 2) ортодоксальную, 3) классическую, 4) реформистскую, 5) критическую и 6) посткритическую.* Эти шесть фаз и составляют полный цикл эволюции религиозной системы.

В христианстве, например, ортодоксальное, классическое и реформистское направления представлены православием, католичеством и протестантизмом. Аналогичные ответвления существуют и в других духовных традициях. В своей монографии я прослеживаю этот цикл в таких мировых религиях, как иудаизм, буддизм, христианство и ислам¹³.

В процессе своего развития религиозная система проходит также через два вида кризисов – структурный и системный. Структурный кризис – это подрыв авторитета священного предания или, иначе говоря, сомнения в истолковании писаний. Такого рода ситуация ведет к появлению новых интерпретаций и, как следствие, к росту альтернативных ветвей внутри уже сформировавшихся религий.

Системный кризис – это потеря веры в священные писания или утрата легитимности самой основы религиозной системы. Из истории мы знаем, что такого рода кризисы преодолеваются только с появлением и развитием новых религиозных движений.

Так случилось, например, с буддизмом и джайнизмом, зародившимися в недрах индуистской матери-религии в VI–V в. до н. э. Это же произошло и с христианством, развившимся из лоно библейской религии, иудаизма.

Согласно моей теории, наша эпоха, которую мы называем Новым временем (по-английски «Modern times» или «modernity»), была сформирована на основе идеологии европейского Просвещения. А идеология эта, в свою очередь, была выражением системного кризиса христианской религии.

В последующие два столетия просвещенческая парадигма распространилась и на другие страны, культуры, а также мировые религии. В результате человечество оказалось в уникальной ситуации тотального коллапса религиозного сознания.

В Библии это время называется апокалипсисом, а в реальной жизни этот духовный распад нашел воплощение в Советском Союзе – единственной в истории человечества атеистической империи.

Что все это значит для России и всего мира? Прежде всего, то, что советский эксперимент – проблема не только российская, но и общемировая. С развалом СССР она вовсе не исчезла, а стала принимать иные – подчас противоположные советским – формы. Я имею

в виду мусульманский терроризм — еще один кровавый симптом той же болезни.

Советский Союз был катастрофой не столько политической (тоталитарная диктатура) или экономической (отмена частной собственности), сколько духовной. И решаться эта проблема должна вовсе не сменой политических режимов и экономических доктрин, а трансформацией в духовной сфере.

Однако системные кризисы религии разрешаются только с появлением новых религиозных движений, которым нужно, как мы знаем из истории, минимум четыре столетия, чтобы крепко встать на ноги. Поэтому я не рассчитываю на качественные и положительные изменения в России, да и во всем мире, в ближайшие несколько веков.

Кстати говоря, православие вовсе не спасет человечество, поскольку само находится в перманентном кризисе. Я, конечно, прошу прощения за столь пессимистический прогноз, но, по-моему, лучше смотреть правде в глаза, нежели раскрашивать горизонты в розовые тона.

— В какой мере, по Вашему мнению, современная американская философия востребована собственно американским обществом и государством?

— Американцы — народ прагматичный, живущий по законам рынка, в том числе интеллектуального. Если бы философия не была здесь нужна, она бы просто перестала существовать, и профессия философа отмерла бы.

Другое дело, что в американском обществе философия востребована не в тех формах, в каких это может представляться россиянам. Поэт в Америке — не больше, чем поэт, а философ — отнюдь не «властитель дум».

Философы, как и представители любого другого вида деятельности в Америке, — это профессионалы, которые занимаются своим узкоспециализированным делом: преподают в университетах, ездят на конференции, публикуют статьи и книги, развивают научные взгляды и концепции.

Кстати сказать, таких профессиональных философов в Соединенных Штатах больше, нежели в любой другой стране мира (второе место у России). Из течений сегодняшней англоязычной мысли, которые приобрели известность за пределами университетской среды, я бы выделил так называемых «новых атеистов» и трансгуманистов.

«Новые атеисты» — Ричард Докинз, Сэм Харрис и покойный Кристофер Хитченс — развивали свои взгляды в противовес набравшему во всем мире силу фундаментализму, будь то фундаментализм христианской или мусульманской закваски. Они не только отрицают религию, но и принципиально считают ее злом, породившим международный терроризм и угрожающим самому существованию цивилизации. В русском культурном контексте аналогом такого рода позиции могут служить взгляды А.Г. Невзорова.

Значительно более интересным, как мне кажется, является научно-философское течение трансгуманизма, возникшее как реакция

на сопряжение биологии с компьютерными технологиями. Конечная цель трансгуманизма — сращение человека с машиной, которое должно ознаменовать новую эру «сингулярности» и достижение практического бессмертия. Самый яркий представитель трансгуманизма — американский изобретатель и футуролог, автор многих бестселлеров Рэймонд Куршвейл.

— **Каких ныне живущих русско-американских философов Вы бы назвали?**

— Из «стариков» нужно, прежде всего, сказать о Б.М. Парамонове и И.М. Ефимове — оба родились в 1937 г.

Борис Михайлович Парамонов — философ-provocateur, культуролог неославянофильской направленности, живущий в Нью-Йорке и долгое время работавший на Радио Свобода. В 2001 г. в Москве вышел сборник его философской эссеистики, представляющий российскому читателю траекторию его взглядов¹⁴.

Игорь Маркович Ефимов, писавший под псевдонимом «Андрей Московит», — основатель эмигрантского издательства «Эрмитаж», романист, историк и публицист, написавший ряд книг по философской проблематике¹⁵.

Из мыслителей этого поколения не могу не упомянуть и об Александре Львовиче Янове (род. 1930), хотя он, собственно, не философ, а историк и политолог, доктор исторических наук, преподававший в Нью-Йоркском университете. Янов — бескомпромиссный незападник, развивающий в этом русле свои историософские взгляды и предложивший оригинальную концепцию политических циклов российской истории. Он прославился своей книгой «Русская илея и 2000-й год», в которой очень точно предсказал, по какому пути пойдет Россия после развала Советского Союза¹⁶.

Из тех, кто помоложе, конечно, назову «атланта» Михаила Наумовича Эпштейна (род. 1950) — почетного профессора университета в Атланте, филолога, культуролога и эссеиста, блестяще и проникновенно пишущего на философские и религиозные темы.

— **Как бы Вы прокомментировали слова современного русского философа Ф.И. Гиренка о том, что «где пушки — там и философия», применительно к судьбе русской философии в мире?**

— Во времена Холодной войны американская славистика была в привилегированном положении, как говорят сейчас в России, купалась если не в шоколаде, то в мармеладе уж точно. Славистам давали гранты, организовывали конференции, расширяли кафедры. Я еще застал эту синектуру, но уже на излете в начале 90-х.

А потом Советский Союз перестал быть грозным врагом, развалился, и государственное финансирование закончилось. Прошла волна сокращений — на радио, в исследовательских институтах, университетах. Некоторые кафедры славистики просто закрыли, и люди остались без работы.

В этом смысле, действительно, «где пушки — там и философия». Американским славистам как воздух нужна независимая и сильная Россия. Помахали из-за океана ядерной дубинкой — глядишь, и на славистов в Америке обратили внимание, со всеми вытекающими последствиями.

По большому, «гамбургскому», счету, философия, конечно, к пушкам не имеет ни малейшего отношения. Александр Сергеевич Пушкин писал, что «гений и злодейство — две вещи несовместные». Увы, namely, его потомкам, до боли понятно — еще как совместные. Встречаются на земле злые гении.

Однако настоящая философия и бряцание оружием, на мой взгляд, несовместимы. Философия — это любовь к мудрости, а мудрость человеческая — в развитии добродетели. Можно ли найти более противоположные стремления, чем жажда духовного совершенства и влечение к братоубийственной бойне?

— Вы являетесь главным редактором книжной серии «Современная русская философия» (изд-во Брилл, Лейден, Нидерланды). Мой проект также назывался «Современная русская философия», в рамках которого мне удалось издать три тома книги «Кто сегодня делает философию в России». С моей подачи на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова была основана одноименная серия, в которой издаются работы современных русских философов. Расскажите, пожалуйста, а каких русских/российских/русскоязычных авторов вы публикуете в голландском издательстве?

— Серия «Современная русская философия» в Брилле была основана около 20 лет назад. Создал ее профессор Университета Северной Каролины Уильям Гей в сотрудничестве с вице-президентом российского философского общества Александром Николаевичем Чумаковым.

Как написано в краткой аннотации, серия «Современная русская философия» «исследует разнообразные взгляды на философию и философские позиции, как они практикуются сегодня в России» и публикует «совместные труды русских и американских [специалистов], сборники статей и монографии российских» философов¹⁷.

Программа — замечательная, но книг за это время было издано очень немного. Основная проблема в финансировании, поскольку российские философы пишут на русском языке, а перевод их статей и книг на английский язык издательство, разумеется, не оплачивает.

Три из пяти опубликованных в серии книг, разрабатывают тему глобализации, которая стоит в центре исследовательских интересов Гея и Чумакова. В прошлом году вышла моя книжка по теории религиозных циклов. А вскоре после этого меня пригласили возглавить и саму серию, поскольку Билл Гей вышел на пенсию.

Для меня это совсем новый проект. Я планирую набрать экспертный редакционный совет и расширить тематику публикуемых работ. Очень хочу издать антологию современной российской философии. Если

удастся, то это будет первая подобная книга в англоязычном философском мире. Собственно, поэтому я и заинтересовался Вашей трехтомной антологией, на которую случайно набрел в Интернете. По-моему, Вы проделали замечательную, яркую и концептуальную работу.

– Знакомы ли Вы с книгой американского социолога Рэндалла Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения» (1998)? Близка ли Вам его концепция, которая социологически редуцирует философскую практику к интеллектуальным сетям?

– Нет, к сожалению, не знаком. Сейчас в Америке, да и во всем мире, выходит столько литературы, что за всем уследить просто невозможно. Приходится ограничиваться самым необходимым. Я прочел в русском переводе предисловие Коллинза к его книге, но этого недостаточно, чтобы я смог высказать свое мнение о его концепции.

Судя по предисловию и оглавлению книги, Коллинз (который, кстати говоря, преподает у нас, в Филадельфии, в Пенсильванском университете) ориентирован на глобальную, а не на региональную, пусть даже и западную, философию. Он анализирует историко-философские интеллектуальные сети (intellectual networks) и пытается выявить социологические причины происхождения философских идей. Меня же интересуют не столько причины возникновения, сколько сами идеи, поэтому я слежу за традиционными историко-философскими работами.

В 60-е и 70-е гг. прошлого века в Америке вышли фундаментальные антологии и авторские исследования по истории незападной мысли – индийской, китайской, еврейской, мусульманской¹⁸. А на рубеже третьего тысячелетия – как раз тогда, когда вышел и труд Коллинза – в англоязычном философском мире появились первые, насколько мне известно, четыре однотомника по истории мировой философии¹⁹. Их авторы тоже отказались от евро- и западно-центристского взгляда на философию и попытались представить историю философского знания как единый общемировой процесс.

– **Какое собственное определение философии Вы бы предложили?**

– Это очень непростой вопрос, и я бы не решился на него с ходу ответить. Я вообще не любитель определений. Я читаю много курсов по истории религий, но даю своим студентам только два определения: что такое религия и что такое священные писания. Во всем остальном обхожусь без них.

Я могу сказать, какую философию предпочитаю. Исходя из эпистемологических критериев, философские системы можно подразделить на эмпирические (Локк), рационалистические (Декарт), интуитивистские (Бергсон), традиционалистские (Конфуций) и скриптуральные (Фома Аквинский).

«Скриптуральная философия» – это калька с английского «scriptural philosophy». По-русски звучит неловко, но другого термина нет. Изо-

бтели этот тип философствования индусы и практиковали его задолго до Рождества Христова. Один из самых древних текстов, дошедших до нас и свидетельствующих об этом, — это Миманса-сутра Джаймини, жившего примерно в IV–V веке до н. э. Основоположником скриптуральной философии на Западе (в широком смысле слова включающем еврейскую, христианскую и мусульманскую мысль) считается Филон Александрийский (род. ок. 20). А завершена эта традиция была в XVII в. Б. Спинозой, развившим принципы библейского критицизма.

За прошедшие несколько столетий скриптуральная философия была отброшена и забыта, но мне кажется, что у нее есть не только великое прошлое, но и не менее славное будущее. По крайней мере лично мне этот тип философствования близок, поскольку философия в моем понимании — это прежде всего путь к духовному просветлению.

Я отнюдь не считаю, как пишете Вы, что «Трансцендентно[е] Означаемо[е] налага[ет] запрет на философское вопрошание». Напротив, оно его стимулирует.

— **В какой мере современный английский язык можно назвать международным/мировым языком философии?**

— В той же мере, в какой — «где пушки — там и философия». После развала СССР Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, единоличным лидером на мировой арене. Евросоюз и Китай пытаются составить конкуренцию, но доллар по-прежнему остается мировой валютой. Поэтому люди и тянутся за куском пирога, в том числе и философского. А если Америка завтра развалится, то об американской философии никто и не вспомнит.

— **Каково сущностное состояние американской философии, если ее мировое влияние Вы связываете всего лишь с геополитической мощью США? К примеру, эллинистического мира давным-давно нет, а древнегреческая философия актуальна как никогда.**

— Американская академическая философия, как известно, представлена аналитической традицией. Тут время покажет, что останется на века, а что канет в Лету. На сегодняшний день, пожалуй, самым известным из ныне живущих американских мыслителей является Ноам Чомски, которого я бы назвал американским Сахаровым (по-русски его фамилию произносят как «Хомский»).

Чомски опубликовал более ста (!) книг, причем некоторые из них стали бестселлерами. Его самая знаменитая работа под названием «Синтаксические структуры» была напечатана в 1957 г. и принесла ему славу одного из крупнейших современных философов. Теория порождающей грамматики (генеративизма), сформулированная в его трудах, во многом определила развитие лингвистики во 2-й половине XX столетия.

Согласно индексам научного цитирования (которые, насколько я знаю, приобрели невероятную популярность и в России), Чомски — один из самых цитируемых философов нашего времени. Википедия

пишет, что по «данным “Arts and Humanities Citation Index”, между 1980 и 1992 годами [он] был самым цитируемым из живущих ученых и восьмым по частоте использования источником для цитат вообще»²⁰.

Наряду с собственно философской проблематикой Чомски активно пишет и на политические темы. Он — непримиримый диссидент, который очень жестко и аргументированно критикует внешнюю политику США, называя американское государство террористическим.

На примере этого философа можно констатировать, что человечество все-таки продвинулось вперед за прошедшие 2 500 лет. Сократ, который слыл критиканом в древних Афинах, как известно, поплатился жизнью за свое инакомыслие. А Чомски, которому в этом году исполнится 88 лет, по-прежнему жив-здоров и продолжает крыть на чем свет стоит свою родную демократическую Америку.

— **Разделяете ли Вы взгляды российско-американского философа М.Н. Эпштейна по «феномену бедной религии» («теомонизм»)?**

— Под «бедной верой» Михаил Наумович понимает веру без вероисповедания. В Америке такое мировосприятие определяют как «spirituality» в отличие от «religion». Многие мои студенты говорят мне, что они скорее «духовны», нежели «религиозны». Правда, в их случае это не всегда означает и веру в Бога, особенно если они увлекаются буддизмом. Один мой коллега из университета, проживший 20 лет в Японии и практикующий дзен-медитацию, написал книгу на эту тему под названием «Духовный атеизм».

На мой взгляд, появление и распространение «бедной» или минималистской веры закономерно, поскольку, как и атеизм, она отражает кризис традиционных религий. Как я уже говорил, симптомы этого кризиса могут быть очень разнообразны. И, конечно, при прочих равных условиях, верить в Бога лучше, чем не верить, поскольку духовные устремления укрепляет душу и придают ей сил.

Однако, как мне представляется, распространение «бедной веры» не решит проблемы атеизма и не выведет человечество из тупика. Человек не может, наподобие барона Мюнхгаузена, вытащить себя самого за волосы из болота. Только Бог в состоянии тут помочь.

Поэтому я и полагаю, что за нынешним, невероятно глубоким, религиозным спадом обязательно последует расцвет новых религий, которые обновят и уже существующие духовные традиции. Речь идет не об обезличенной «бедной вере» и не об эклектическом или синтетическом вероучении, объединяющем прежние церковные догматы. Я говорю о новом религиозном движении, которое предложит человечеству более возвышенные основы для планетарного бытия.

— **Может ли философия, на Ваш взгляд, рассматриваться как особая религиозная практика?**

— Может. В индуизме, например, считается, что нет одного, обязательного для всех, пути к духовному освобождению. Каждый выбирает

для себя ту практику, которая наиболее ему созвучна. А сами индуисты различают четыре их вида: путь действия, путь поклонения, путь знания и путь мистического единения.

Путь знания в данном случае и есть занятие философией, но не как теоретической дисциплиной, а как духовной практикой, ведущей к мудрости и очищению. Собственно, все классические школы индусской религиозной философии – самкхья, веданта, йога, и т.д. – представляют собой различные формы этого «пути знания».

– Как Вы оцениваете признание в России теологии в качестве научной дисциплины?

– Теология не является научной дисциплиной, но преподавать ее в университетах в качестве предмета по выбору, по-моему, можно и нужно. В американских университетах кафедра теологии отделена от кафедр религиоведения и философии. И только в католических университетах общие курсы по теологии являются обязательными для всех студентов, что, на мой взгляд, неверно. Теология должна быть обязательной для изучения только в семинариях. А в университетах, особенно светских, это должен быть факультативный предмет.

– Какое содержание Вы бы вложили в такие понятия, как «философский образ жизни» и «религиозный образ жизни»?

– Тут все зависит от того, о какой философии и о какой религии идет речь. У философа-аскета будет совсем иной образ жизни, нежели у философа-гедониста. А жизнь христианского монаха будет разительно отличаться от быта, скажем, многоженца-мусульманина.

Если брать философию и религию в чистом виде, то в первом случае мы имеем дело с поиском истины и обретением мудрости, а во втором – со стремлением к праведности и духовному просветлению. По моему мнению, это по сути одно и то же, так как нельзя быть мудрым грешником или невежественным святым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Masaryk Th.G. The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy* / trans. by E. and C. Paul. – N. Y.: Macmillan, 1919. 2nd, enlarged ed. 1955 (2 vols.).

² *Zenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. 2 vols.* / trans. by G.L. Kline. – N. Y.: Columbia University Press, 1953.

³ *Lossky N.O. History of Russian Philosophy.* – N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1951.

⁴ *Russian Philosophy. 3 vols.* / ed. by J.M. Edie, et al. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1976.

⁵ *Russian Intellectual History. An Anthology* / ed. by M. Raeff. – New Jersey: Humanities Press, 1966.

⁶ *Ultimate Questions: An Anthology of Modern Russian Religious Thought* / ed. by A. Schmemmann. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1965. 2nd. ed. – Crestwood (NY): St. Vladimir's Seminary Press, 1977.

⁷ *A Documentary History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* / trans. and ed. by W.J. Leatherbarrow and D.C. Offord. – Ann Arbor: Ardis, 1987.

⁸ A History of Russian Philosophy. From the Tenth Through the Twentieth Centuries. 2 vols. / ed. by V. Kuvakin. – Buffalo (NY): Prometheus Books, 1994.

⁹ См.: *Walicki A.* History of Russian Thought: from the Enlightenment to Marxism / trans. by H. Andrews-Rusiecka. – Stanford: Stanford University Press, 1979.

¹⁰ См.: *Copleston F.C.* Russian Religious Philosophy: Selected Aspects. – Notre Dame (IN): University of Notre Dame Press, 1988; *Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev.* – Notre Dame (IN): University of Notre Dame Press, 1986.

¹¹ См.: *Florovsky G.* Ways of Russian Theology (Translated by Robert L. Nichols) // *Florovsky G.* Collected Works. Vol. VI. – Vaduz: Büchervertriebsanstalt, 1987.

¹² См.: *Scanlan J.* Marxism in the USSR. A Critical Survey of Current Soviet Thought. – Ithaca (NY) and London: Cornell University Press, 1985; *Zweerde E. van der.* Soviet Historiography of Philosophy. Istoriko-Filosofskaja Nauka. – Dordrecht: Kluwer, 1997.

¹³ См.: *Sergeev M.* Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith. – Leiden: Brill, 2015.

¹⁴ См.: *Парамонов Б.* След: философия, история современность. – М.: Независимая газета, 2001.

¹⁵ См.: *Ефимов И. (Андрей Московит)* Метаполитика. – Detroit: Strathcona Publishing Company, 1978; Л.: Лениздат, 1991; Практическая метафизика. Философская система, развивающая принципы Канта и Шопенгауэра. – Ann Arbor: Ardis, 1980; М.: Захаров, 2001; Стыдная тайна неравенства. Историко-философское исследование. – Tenaflly: Hermitage Publishers, 1999; М.: Захаров, 2006.

¹⁶ См.: *Янов А.* Русская идея и 2000-й год. – Нью-Йорк: Liberty, 1988.

¹⁷ Информацию о серии и о книгах, которые были изданы, можно получить, пройдя по этой ссылке – <http://www.brill.com/products/series/contemporary-russian-philosophy>

¹⁸ Вот некоторые из этих книг: (1) *A Source Book in Indian Philosophy* / eds. S. Radhakrishnan and Ch.A. Moore. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 1973. (2) *A Source Book in Chinese Philosophy* / trans. and compiled by Wing-tsit Chan. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 1973. (3) *Fung Yu-Lan.* A Short History of Chinese Philosophy. – N. Y.: The Free Press, 1966. (4) *Fakhry M.* A History of Islamic Philosophy. 3rd ed. (1st ed. in 1970). – N. Y.: Columbia University Press, 2004. (5) *Wolfson H.A.* The Philosophy of Kalam. – Cambridge (MA): Harvard University Press; L. (UK), 1976.

¹⁹ Привожу эти книги: (1) *Cooper D.E.* World Philosophies: An Historical Introduction. 2nd ed. – Malden (MA): Blackwell Publishing, 2003. (2) *Harré R.* One Thousand Years of Philosophy: From Rāmānuja to Wittgenstein. – Oxford (UK): Blackwell Publishers, 2001. (3) *Smart N.* World Philosophies. – L. & N. Y.: Routledge, 2000. (4) *Scharfstein B.* A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant. – N. Y.: State University of New York Press, 1998.

²⁰ «Хомский, Ноам» // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9D%D0%BE%D0%B0%D0%BC